

Уже почти 7 лет каждую неделю без перерывов и пропусков к детям, которые лечатся в НИИ нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, приходят волонтеры. Досуг, общение, творчество, душевная поддержка — так формулируются цели их работы в детских отделениях. Но что стоит за этими простыми словами? Публикуем короткое эссе Андрея Андреевича Мещеринова, профессионального скрипача, преподавателя Академического музыкального колледжа при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Он — участник Добровольческого движения «Даниловцы» при Московском Свято-Даниловом монастыре. А.А. Мещеринов был координатором группы волонтеров при НИИ нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко с 2008 по 2012 г.

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ ВОЛОНТЕРА

А.А. МЕЩЕРИНОВ

У Н. сегодняшняя встреча с волонтерами была уже третья, но со мной — первая. В этот вечер мы с Н. провели все два с половиной часа посещения.

Тихий, внимательный, общительный, с трудом говорящий — из-за трахеостомы, ослабленный операцией, умеющий шутить, радоваться и весело смеяться. В прошлый раз он лепил разных зверей и еду для них. С этого же мы начали и в сегодня. Особенно Н. любит зайчиков. Мы слепили много зверей: зайца, белку, лису и, кажется, медведя. Но так как вокруг нас другие дети делали дома из картона, то и нам захотелось тоже иметь свой дом. Дом получился хороший, только окна и дверь Н. отказался делать и сказал, что звери будут жить внутри, и им будет хорошо, а ходить к ним или им выходить на улицу — нет необходимости. Когда мы делали крышу, я все же уговорил сделать тайную дверцу на чердаке, чтобы звери хотя бы могли войти в свой дом. Н. согласился, и мы сделали дверцу и большую пластилиновую лестницу. Конструирование лестницы принесло нам большую радость, но все же ее наличие и возможность проникнуть в дом с улицы Н. смущало.

Спустя час после начала общения Н. сказал, что хочет рисовать. У нас появился дом, солнце, трава и два зайчика — уже на рисунке. Вскоре Н. взял черную краску, много воды и начал медленно закрашивать и размывать рисунок. Сначала я просто наблюдал, а потом спросил, в чем дело. Н. ответил: «Все начинает портиться!» Я ничего не стал уточнять, и на глазах рисунок превращался в грязное пятно. Зайчики тоже стали закрашиваться. Во время закрашивания одного из них я спросил: «Кажется, зайчики тоже начинают портиться?» Н. протяжно и

напряженно ответил: «О да-а...!» Этот ответ из уст маленького малыша меня напугал, и я молча смотрел, как рисунок скрылся под слоем грязи.

Я спросил, хочет ли Н. продолжать, и после утвердительного ответа мы взяли следующий лист. На нем появился дом, уже один зайчик и атмосфера мрака предыдущего рисунка. Н. взял красный цвет и быстрыми размашистыми движениями начал закрашивать лист. «Что это?» — спросил я. «Это красный воздух, ядовитый. — ответил Н. — Зайчику плохо и трудно дышать». Я спросил: «Ему страшно?» Н. ответил: «Конечно, страшно! Ведь ему же плохо». Мотив удушающего красного воздуха, страха и того, что зайчику плохо, держался долго. Я так вошел в процесс, что не смел говорить. Рядом сидящая девушка-волонтер помогла, спросив: «Может быть, зайчику нужна помощь?» Н. ответил: «Да!» И мы, точнее Н., нарисовал человека, протягивающего зайчику руку.

Лист был закрашен, и мы взяли новый. Н. сам схематично нанес на него атмосферу предыдущего рисунка — размытый серый фон, указывая на единство сюжета и развивая начатое ранее. Пока мы готовили новый лист, Н. рассказал, что зайчика отвезли в больницу и что он будет лечиться неделю. Рассказ, как ему во сне снится красный ядовитый воздух, что ему страшно и он не может спать. Я с надеждой спросил: «Но ведь это кончится, пройдет?» Н. уверенно ответил: «Да». Я спросил: «И когда же?!» — «Через неделю, — ответил Н. — Но пока зайчик тяжело болен и лежит в больнице».

Тут Н. взял желтую краску и начал ею закрашивать лист. «Что это?» — спросил я. «Это Дух Святой», — ответил Н. Желтый свет медленно окутывал мрачный рисунок, и скоро весь лист стал светлый. Слева Н. стал рисовать фигурку. «А это что? — спросил я. — Это Лечебная Жертва», — ответил он. Было видно, что Н. очень устал, и ему тяжело рисовать дальше. Наши переживания были сильны, я испытывал шок. После долгой паузы я переспросил: «Что это?» — Он подтвердил: — «Лечебная Жертва». И это была некоторая точка в нашем процессе.

Мы сидели и смотрели на рисунок. Я спросил Н., хочет ли он еще что-то нарисовать. Н. сказал — да. Я спросил, какого цвета мы возьмем лист (со слабыми детьми мы используем бумагу для пастели разных цветов, чтобы не надо было рисовать фон. На этой же бумаге мы работаем акварелью — Н. именно акварелью рисовал). Н. сказал — голубой. Я испугался, вдруг сейчас наш зайчик уйдет на небо. Мне хотелось, чтобы он остался с нами.

Н. взял пастельный мелок (я не обратил внимания, но на самом деле произошла смена материала, означающая новый этап в рисовании). Нарисовал большой прямоугольник, в нем какие-то предметы. «Что это?» — спросил я. — «Холодильник!» — весело ответил Н. Пришло время кормить зайчика вкусностями. Да и нам пора было ужинать. И мы в радости и благодарности расстались. Н. выписался. Крепкого здоровья и Н., и зайчику.

Эпизод второй: Х.

С Х. мы познакомилась в палате интенсивной терапии накануне операции. Ожидания от операции у Х. и у его мамы были тяжелые. Х. оперировался не в первый раз. Болезнь разрушала память и способность мыслить. Взрослый кавказский подросток, совсем зрелый муж.

Разговор не шел. Мама рассказала историю болезни, задавала вопросы Х., он поддакивал. На диалог Х. шел тяжело. Да и я не очень понимал, о чем говорить. Мама же подхватывала любые вопросы и отвечала сама. Х. грустнел на глазах. Диалога не получалось, явно было одно — уходить нельзя. Когда возникла пауза, я понял: просто буду сидеть тут, и будь что будет. Мама уговаривала Х. поесть. Это был последний час, когда можно было есть накануне операции. Мама решила угостить меня и достала большой апельсин, предложив нам съесть его вдвоем. На половину апельсина Х. согласился.

И вот мы сидим напротив друг друга с половинками апельсина. Синхронно отламывая первую дольку, мне пришла мысль в голову. Я сказал: «Ну, Х., твоё здоровье!» — и, «чокнувшись» с ним дольками как бокалами с вином, отправил свою дольку в рот. Глаза Х. загорелись, мы начали разговаривать, вспоминать, шутить, мечтать. Следующим тостом мы решили «выпить» за маму, но поскольку в послеоперационной палате рядом находились и другие мамы с детьми, то мы решили «выпить» стоя «за присутствующих здесь дам». В процессе разговора рождались все новые и новые тосты, и так, в 5—6 тостов «распили» (разъели) апельсин с задушевной беседой. Х. успокоился и у него было очень хорошее настроение. После операции он стал приходить в игровую, рисовать, общаться. С памятью у него стало совсем плохо, но он уже хотел и не стеснялся быть среди людей. Дошли слухи, что, когда он уже лежал в следующей больнице, на химиотерапии, он с радостью принимал волонтеров и посильно участвовал в творческом процессе.

Эпизод третий: А.

А. появился у нас под Новый год. Маленький, с тяжелой опухолью головного мозга. Долгое лечение так повлияло на него, что он ушел в себя, перестал говорить и общаться не только со внешним миром, но и с мамой. Мама была уверена, что это последствия операции и это пройдет, но дни шли и шли, а А. так и не говорил, да и вообще от общения отказывался. Правда, свой подарок на Новый год он нам показал: шикарный розовый заяц с кнопкой. При нажатии на кнопку заяц пел песни и размахивал ушами. Своими ногами А. тоже ходить не хотел. Сидел у мамы на руках, молчал, пугался и плакал.

Через несколько дней мама совсем пала духом. До выхода врачей на работу после праздников была еще неделя, а прежде разговорчивый и

веселый ребенок молчал. В игровой со всеми детками на Рождество А. быть не захотел. А вот через день — не воспротивился, и мама с А. на руках села за стол с детьми и волонтерами. Долгое время любые попытки что-то поделаться вместе были тщетны. Я пытался наладить контакт, задавать вопросы, откликаться, выражать свои чувства, смешить, сочувствовать. Все тщетно. Тогда я взял в руки игрушку, давнего нашего волонтера — Ежа. Надо сказать, что до этого я никогда не общался через Ежа, но тут, казалось, только он мог помочь.

А. и Еж немного порисовали. Еж и копировал А., и отбегал карандашной линией от рисунка А., и нападал, и дразнил, и гладил, и приглашал к себе. Все это было цветными линиями на бумаге. И А. даже улыбнулся два раза. Но все попытки его разговорить были напрасны. Одно радовало: А. — контактирует, общается, улыбается. Я перебрал все, что приходило в голову, и мы с Ежом должны были констатировать: человек ушел в себя и не собирается возвращаться.

Я посоветовал маме обратиться к психологам в первый же рабочий день после новогодних каникул.

А Еж решил, что будет сидеть у руки А. и рисовать, и смотреть, и гладить, и шутить, и тихо смотреть в ту же сторону, и шебуршать, и сидеть, прижавшись к руке А. До начала уборки, которой мы заканчивали каждое посещение, оставалось пять минут, я понимал, что Ежу пора прощаться, и думал, как это сделать. И начал привычную речь: «Спасибо тебе за этот вечер, мне было очень хорошо с тобой, теперь мне надо собираться домой — тут, как гром среди ясного неба, А. поворачивает голову ко мне и говорит: «А у моего зайчика шарики в попе». Я не поверил своим ушам и сказал, что с зайчиками такое бывает. Я решил задать вопрос. А. ответил. Мама — в шоке, я — в шоке: А. снова говорит.

Мы вернулись через несколько дней. А. хотел играть со мной. Удивительно, что не с Ежом, а именно со мной. Мы играли, говорили, шутили. И еще несколько раз встречались, и А. оживал на глазах.

Потом мы попрощались, их перевели на химиотерапию. Мама звонила, рассказывала. Это был третий случай, когда я дал свой телефон. Столь глубока была связь. Прошло время, и мама на связь не вышла. Положение А. было крайне тяжелым. Молимся по-прежнему о нем «за здоровье». У Бога все живы, хотя этот не-ответ маму не обнадеживает...

THREE EPISODES IN THE LIFE OF THE VOLUNTEER

A.A. MESCHERINOV